

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЛОГИЧЕСКОГО ДИСПУТА*

Опубликование около тридцати лет назад голландским Л. М. де Рейком средневековых логических трактатов¹, датированных концом XII — началом XIII в., дало небывалый толчок развитию исследований в области *logica modernorum*,² «логики современных», средневекового аналога того, что сегодня мы называем современной логикой. Некоторые из опубликованных в этом двухтомнике трактатов по сей день остаются источником оживленных дискуссий среди исследователей — речь идет о жанре предписаний, *obligationes*, или логического диспута.³ Основной вопрос дискуссий — это вопрос о том, какая часть аристотелевского логического корпуса является первоисточником самой идеи логического диспута. Ответ на этот вопрос важен не столько для отслеживания развития традиции написания трактатов о предписаниях, сколько для понимания того, что с точки зрения логики представляет сам этот жанр.⁴

Помимо специальной группы исследователей, изучающих манускрипты этого жанра на предмет развития собственно традиции, существуют две группы ученых, рассматривающих предписания как особый раздел средневековой логики. Сторонники первой полагают, что диспут с предписаниями представляет собой разви-

---

* Работы выполнены при поддержке РГНФ, грант № 06-03-00497а

¹ *Rijk L. M. de. Logica Modernorum. Vol. 1-2. Assen, 1962-1967.*

² См.: *Ibid.*

³ О теории предписаний в Средние века см.: Лисанюк Е. Н. Средневековый диспут // Логико-философские штудии. Вып. 4 / Под ред. Е. Н. Лисанюк, Я. А. Слинина. СПб., 2006. С. 212-228.

⁴ Средневековый диспут с предписаниями — это жанр средневековой логики, описывающий диалогическую процедуру, в ходе которой респондент принимает на себя логические обязательства (*obligationes*) — предписания, выраженные в особых правилах вывода по отстаиванию тезиса (*positio*). Оппонент выдвигает высказывания, которые на основании предписаний респондент принимает, отвергает или считает не относящимися к тезису, а также оценивает их логическое значение как истинное, ложное или сомнительное. Задача респондента — не принять противоречащих высказываний, оппонента — вынудить респондента сделать это.

тие античного жанра диалектического рассуждения, основы которого изложены Аристотелем в «Топике», а примеры известны благодаря диалогам Платона; к этой группе принадлежат американская исследовательница Элеонор Стамп и финский ученый Микко Ирjonsуури.⁵ Наиболее существенная черта диспута в этом подходе — его диалогический характер в отличие от монологического, как правило, характера в логическом выводе. Последователи второго направления рассматривают диспут с предписаниями как разновидность логической задачи, в центре которой — поиск эффективной процедуры вывода (решения); к представителям этого направления относятся американский ученый Пол В. Спэйд, канадская исследовательница Фабиенн Пироне, новозеландский логик Кристофер Мартин.⁶ В этом смысле средневековые предписания ближе не к правилам и видам аргументов (топам), составляющим объект изучения в комментариях к Аристотелевой и Цицероновой «Топикам», но к софизмам и логическим парадоксам. С точки зрения логики различие между этими двумя подходами состоит в том, что сторонники первой группы пытаются провести аналогии между совокупностями правил логического вывода, модифицированными для диалога. Представители второй группы намерены отыскать, реконструировать и сформулировать не правила вывода, но само понятие выводимости, основанное на ином представлении об истинности. Есть и третья группа исследователей, к которой пока принадлежит только американская исследовательница К. Дутил-Новас, предпринявшая попытку некоторым образом совместить первые два подхода. Она предложила реконструкцию диспута с предписаниями на основе современного игрового подхода, представив средневековый логический диспут как игру двух участников, в которой истинность понимается в конструктивном смысле, как наличие успешной выигрышной стратегии, а сами предписания рассматриваются как вариант усло-

---

⁵См.: *Stump E. Obligations // Cambridge History of Later Medieval Philosophy / Ed. by N. Kretzmann, A. Kenny, J. Pinborg. Cambridge, 1982. P. 314–337 (далее — СН); Yrjonsuuri M. Obligations // Acta Philosophica Fennica. Vol. 55. Helsinki, 1994.*

⁶См.: *Spade P. V. Obligations // СН, 338–347; Christofer J. Martin. Obligation and Liars // Medieval Formal Logic. The New Synthese Historical Library / Ed. by M. Yrjonsuuri. Vol. 49. P. 63–94; Pironet F. The Relations between Insolubles and Obligations in Medieval Disputations // Ibid. P. 95–113.*

вий игры.⁷ Отношений несовместимости между этими подходами нет.

В настоящей статье предполагается проанализировать изменение правил предписаний и выявить их особенности в «классическом» варианте у У. Бурлея, Р. Килвингтона и рассмотреть современные тенденции реконструкции этих подходов.

Большинство средневековых авторов ссылаются на Аристотеля как на источник идеи диспута с предписаниями. В «Топике» Стагирит пишет:

Что касается того, как отвечать, то прежде всего следует выяснить, что необходимо делать для того, чтобы отвечать надлежащим образом, так же как и спрашивать надлежащим образом. Вопросающий должен так вести речь, чтобы заставить отвечающего говорить самое неправдоподобное, необходимо вытекающее из тезиса. Отвечающий же должен так вести речь, чтобы несообразное или противное общепринятому казалось получающимся не по его вине, а из-за тезиса. А полагать как первое то, что не должно полагать, и защищать положенное не подобающим образом — это, пожалуй, другая ошибка.⁸

В этом отрывке изложена суть ролей респондента и оппонента. Респондент принимает тезис (*positio*) и далее выдвигаемые оппонентом высказывания принимает как следующие из него, отвергает как не следующие или не относящиеся к нему. Одновременно респондент оценивает логическое значение предложенных оппонентом высказываний. Соответственно проиграть он может двояко: 1) оценив одно и то же высказывание сначала как истинное, а позже — как ложное, и наоборот; 2) приняв высказывание как следующее, а затем отвергнув его как не следующее из тезиса (*positio*), и наоборот.

Второе часто цитируемое авторами предписаний замечание из «Первой Аналитики» Аристотеля:

Под быть возможным и возможным я разумею то, что не необходимо, но если принять, что оно присуще, то из этого не следует ничего невозможного.⁹

---

⁷ Dutilh-Novaes C. Medieval Obligations as Logical Games of Consistency Maintenance // Synthese. 2005. 145 (3). P. 371-395. Доступно также на <http://staff.science.uva.nl/~dutilh/paperstalks.html>

⁸ Аристотель. Топика, VIII 4 159a 18-24 // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1978.

⁹ Аристотель. Первая Аналитика, I 13 32a18-20 // Там же.

В соответствии с этим основная задача респондента — не принять невозможного, т. е. противоречия, которая тактически сводится к тому, чтобы вовремя распознать и отвергнуть высказывание, несовместимое с тезисом (*positio*).

В средневековом диспуте с предписаниями обе идеи Аристотеля соединены, несмотря на то, что относятся, согласно Стагириту, к разным вещам: роли респондента и оппонента важны в диалектическом рассуждении,¹⁰ а следование во втором отрывке понимается как логическое.

В диалектическом рассуждении Аристотель выделил две группы правил: правила для начала диспута и правила для его проведения. Вторая группа правил распадается на правила для респондента и правила для оппонента. Если правил начала диспута всего три и они просты, правила проведения диспута многочисленны и неоднородны по характеру. Одни из них носят рекомендательный характер. Например, Аристотель советует в диалектическом рассуждении пользоваться силлогизмом против диалектиков, наведением — против толпы¹¹ или рекомендует респонденту потребовать разъяснить неясные и двусмысленные выражения, прежде чем оценивать их.¹² Другие правила представляют собой стратегические правила для конкретных ситуаций. Так, для респондента есть только один способ вести диспут — вывод должен быть всегда противоположащим тезису. Значит, если был выдвинут правдоподобный тезис, вывод должен быть неправдоподобным, если же тезис правдоподобный, вывод должен быть неправдоподобным.¹³ Оппоненту следует выдвигать в качестве положений общеизвестное или то, против чего сложно найти возражения, и использовать только диалектические положения (на которые можно отвечать «да» или «нет»)¹⁴. Все эти правила впоследствии получили название «предписаний».¹⁵

В средневековой теории диспута с предписаниями обе идеи Стагирита нашли свое воплощение как логические, а не диалектические.

---

¹⁰ Аристотель. Топика, VIII 1 155b 8-16 // Там же.

¹¹ Там же, VIII 1 157a18-20.

¹² Там же, VIII 1 160a 17-22.

¹³ Там же, VIII 1 158b 3-7.

¹⁴ Там же, VIII 1 158a 3-20.

¹⁵ Именно так они названы в примечаниях к «Топике» (см. с. 659), хотя, указывая на средневековую традицию, авторы примечаний называют их «обязательствами» (с. 645).

Одним из первых ученых, усмотревших связь между логическими парадоксами и диспутами с предписаниями, был основатель прагматизма Ч. Пирс. В трактате «Начала прагматизма», рассматривая парадоксы самореференции, Пирс приводит в качестве примера версию парадокса «Лжец» и показывает, что в основе его парадоксальности лежит подразумеваемое положение о том, что «всякая пропозиция утверждает свою собственную истинность».¹⁶ Предложение, выражающее данный парадокс, «истинно во всех других аспектах, кроме своей собственной истинности». Пирс отмечает, что именно на этом способе наиболее часто базировали разрешение такого рода парадоксов в античности начиная с Аристотеля и в Средние века. Американский ученый считает, что им «было устранено принципиальное возражение, выдвигавшееся против этого метода решения, — именно, что недоказуем принцип подразумеваемого всякой пропозицией своей собственной истинности».¹⁷ В средневековых трактатах о предписаниях Пирс усмотрел «единственные аргументы против истинности этого принципа...».

Учение о предписаниях У. Бурлей, согласно принятым в средневековых логических исследованиях канонам, считается «классическим».¹⁸ Основоположения его описаны нами в другой работе, напомним лишь ключевые моменты, существенные в контексте этой статьи. У. Бурлей приводит три базовые группы правил: стратегические, касающиеся поведения респондента и оппонента в ходе диспута (принятие тезиса, статус казуса или установления и др.), логические, в соответствии с которыми респондент оценивает предложения, выдвинутые оппонентом, и рекомендательные, для лучшего ведения диспута обеими сторонами. Одним из стратегических правил является правило наложения обязательств — предписаний на респондента: каждое предложение оппонента представляет собой такое предписание, независимо от того, как респондент его оценил. Так, если предложение (Z) было отвергнуто как ложное и следующее из тезиса согласно логическим правилам, однако на самом

¹⁶ Пирс Ч. С. Начала прагматизма / Пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. СПб., 2000. С. 76–79.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: СН, 315; Лисанюк Е. Н. Средневековый диспут. С. 220–1.

(C)

- (C1) Ты знаешь (король сидит) $\vee$ Ты знаешь (король не сидит) (B) казус.
- (C2) Ты не знаешь (король не сидит) Истинное, так как не несовместимое с (A), иррелевантное.²⁴
- (C3) Ты знаешь (король сидит) Истинное, следует из (C1) и (C2).

(C2) получается из тезиса (A) как не связанное с последним по логическому значению и поэтому иррелевантное и истинное само по себе, так как нет оснований считать его ложным или сомнительным.²⁵ Дизъюнктивный казус (B) не представляет возражений такой квалификации (C2). В результате (C3)=(A) получается как следствие из (C1) и (C2), причем принятие (C2) на втором шаге как истинного делает второй дизъюнктивный казус (B) ложным.

Рассмотрим (D)-опровержение вместе с пояснением, которое предлагается для него:

(D)

- (D1) Ты знаешь (король не сидит) Истинное, следует из казуса.
- (C1) Ты знаешь (король сидит) $\vee$ Ты знаешь (король не сидит) (B) — казус.
- (D2) Ты не знаешь (король сидит) Истинное иррелевантное согласно (C).
- (D3) Ты знаешь (король не сидит) Истинное, следует из (C1) и (D2).
- (D2) Ты не знаешь (король сидит) Истинное, следует из (D3).

(D2) противоречит тезису (A), значит, (A) ложно. Получается софизм, требующий решения. Какое же обоснование верно?

²⁴Здесь иррелевантное понимается как не следующее из ранее принятых или тезиса, в отличие от релевантного, которое следует из них.

²⁵Напомним, оценка логического значения производится при помощи тезиса, который следует отстаивать как истинный независимо от его логического значения с учетом казуса, если он имеется в данном диспуте, выступающего как возможная ситуация, принимая за реальную в данном диспуте.

Изложив части (А)–(D), Килвингтон начинает обсуждение софизма с рассмотрения его решения с позиций Бурлея. С точки зрения Бурлея, софизм следует отвергнуть как ложное предложение в силу опровержения (D). Само опровержение возможно, потому что (А) и (В) на самом деле представляют собой пару несовместимых предложений, и их несовместимость скрыта до тех пор, пока (В) не предложено в качестве дизъюнктивного предложения. Такое предложение, по Бурлееву правилу, респондент должен принять только как один из дизъюнктов, отвергнув другой как ложный, что сделано на шаге (D1), поэтому далее принимается (D3) как следующее из (C1) и (D2), где (D2) принимается как часть доказательства (С), а на заключительном шаге (D2) принимается как следующее из (D3). По Бурлею, круга в доказательстве здесь нет, потому что (D1), (D2) и (D3) оцениваются на разных шагах и по разным основаниям. Килвингтон же считает, что респондент, принимая казус, тем самым получает предписание о том, что предложение-софизм должно рассматривать применительно к ситуации, описываемой казусом. При этом несущественно, в каком порядке это делается, тогда как «классический» вариант У. Бурлея предполагает, что с каждым следующим выдвинутым предложением, оценивая его, респондент тем самым берет на себя соответствующие обязательства-предписания. Поэтому совокупность предписаний респонденту меняется с каждым шагом, вследствие чего оказывается важен порядок их выдвижения. При этом сам казус, применительно к которому следует оценивать предложения, остается неизменным.

М. Ирьюнсуури считает, что Килвингтон придерживается той позиции, что если респондент имеет в разуме доказательство того, что (А) ложно, то это происходит независимо от того, был представлен казус или нет. Бурлей, по мнению финского ученого, видит сложность в том, что (А) до того, как высказано доказательство, следует считать ложным, однако после того, как рассмотрены и доказательство, и опровержение, (А) оказывается истинным и следующим из других принятых ранее предложений. Выбери респондент другой дизъюнкт для (D), результат был бы иным. Ключевой момент различия позиций Килвингтона и Бурлея М. Ирьюнсуури видит в эпистемических предпосылках позиции первого: если респонденту известно, как доказать ложность (А), то это можно сделать в любой момент, независимо от того, были высказаны другие предложения или нет. В отличие от этого Бурлей полагает, что никакой

процесс в душе не сможет превратить иррелевантное предложение в релевантное, но когда соответствующие предложения высказаны, это возможно.

Если вспомнить, что Килвингтон излагает софизм, а Бурлей рассуждает о правилах диспута с предписаниями, становится понятной подоплека их различий. Не умаляя значимости эпистемической составляющей, обратим внимание на то, что Бурлей понимает релевантное предложение как истинное, если респонденту в диспуте удастся вывести его из других. Для Килвингтона, вообще говоря, не столь важно, состоялся диспут или нет. Если возможно построить вывод для предложения, то оно релевантное, и неважно, случилось это в ходе диспута или логик просто размышлял на досуге в одиночестве.